Мудрая Мария Вадимовна

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

Статья посвящена анализу репрезентации и вербализации гендера как базовой константы культуры на основе реконструкции системы гендерно маркированных лексем. Впервые исследовано сосуществование двух уровней кодирования гендерной информации, на которых происходит репрезентация мужского и женского начал. Основное содержание исследования составляет анализ гендерно маркированных существительных и субстантивированных прилагательных, входящих в состав предметного мира пословиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 142-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.3

Статья посвящена анализу репрезентации и вербализации гендера как базовой константы культуры на основе реконструкции системы гендерно маркированных лексем. Впервые исследовано сосуществование двух уровней кодирования гендерной информации, на которых происходит репрезентация мужского и женского начал. Основное содержание исследования составляет анализ гендерно маркированных существительных и субстантивированных прилагательных, входящих в состав предметного мира пословиц.

Ключевые слова и фразы: гендер; гендерная маркированность; культурная константа; лингвофольклористика; фольклор; пословица.

Мудрая Мария Вадимовна
Воронежский государственный педагогический университет
mariya.mudraya@gmail.com

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)

Гендер, понимаемый как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [4, с. 5], в рамках антропологической парадигмы признается одной из базовых констант русской традиционной культуры. Термин *культурная этническая константа* встречается в работах многих ученых (Г. В. Лейбниц [10], Ю. С. Степанов [13], Ю. М. Лотман [12], И. Е. Фадеева [15]). Современное понимание культурной константы обосновано академиком Ю. С. Степановым, который определяет константу как «некий постоянный принцип культуры» [13, с. 76], а под комплексом констант понимает «устойчивые концепты культуры, независимо от того, являются ли они “априорными, доопытными” или “опытными, эмпирическими”» [Там же, с. 78]. Концепт, в свою очередь, по определению Ю. С. Степанова, выступает как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток культуры в сознании человека» [Там же, с. 43]. Существенным для понимания роли системы констант в сознании и мышлении является определение, сформулированное Н. Ф. Алефиренко: «Система культурных констант, образуя концептосферу языка, играет роль категориального сита, фильтрующего познаваемые объекты. В результате формируются основные лингвокультурные парадигмы, выстраивающие в нашем сознании всю структуру человеческого бытия» [1, с. 306].

Целью настоящей статьи является анализ репрезентации и вербализации гендера как базовой константы культуры на основе реконструкции системы гендерно маркированных лексем с учетом способа кодирования гендерной информации.

Впервые вопрос о разграничении понятий репрезентации и вербализации гендера поставлен нами в статье «Репрезентация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц)», решение видится в том, что «формирование гендера как идеологического конструкта, концептуальной сущности происходит на ментальном уровне и заключается в манифестации определенных признаков в качестве атрибутов *мужского* или *женского начала*. Образ гендера, закрепленный в сознании носителей языка, может быть реализован в тексте через репрезентацию атрибутивных признаков *мужского и женского начала*, что составляет *концептуальное содержание гендерной информации*. Объективация названных представлений/репрезентаций происходит посредством вербализации, то есть механизмов, моделей конструирования гендера в тексте, что составляет *структурное воплощение гендерной информации*» [7, с. 176].

Перспективным направлением исследования гендера как константы, структурного элемента культуры представляется анализ репрезентации и вербализации *мужского и женского начал* в фольклорной картине мира.

Фольклорная картина мира выступает предметом исследования ряда дисциплин, среди которых лингвокультурология, этнолингвистика, фольклористика, лингвофольклористика. Вслед за основателем воронежской школы лингвофольклористики профессором Е. Б. Артеменко мы понимаем фольклорную картину мира как «одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [3, с. 11].

Традиционным в филологии является разработанный Ю. М. Лотманом и другими представителями Московско-Тартуской школы анализ языка с точки зрения семиотики. В рамках указанного анализа выделяются три типа языков: естественные, искусственные и вторичные. Фольклор наравне с мифом и религией признан в исследованиях Ю. М. Лотмана вторичной моделирующей системой, «надстраивающейся над естественно-языковым уровнем» [12, с. 21]. Доказательства, приводимые ученым, основываются на представлениях о взаимосвязи языка и сознания: «Поскольку сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей… могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [Там же, с. 22]. Неоспоримо мнение К. В. Чистова о том, что фольклор «отражает не просто и не только нечто общечеловеческое, но и особенности бытия и мышления целого народа» [18, с. 24].

Символическая составляющая языка фольклора как вторичной моделирующей системы реализуется в многообразии фольклорных жанров. Данный факт обусловлен спецификой народной культуры, которая, по мнению Е. С. Никитиной, «глубоко семиотична и символична» [Цит. по: 6, с. 11]. Закономерным представляется высказывание С. И. Добровой о том, что «мир фольклора – мир символов» [Там же]. Сущность

символа и его специфика определены основоположником отечественной теории символа А. Ф. Лосевым, который считает, что в символе существует «связь внутреннего содержания или внутренней жизни предмета и его внешней выраженности» [11, с. 242].

Символика *мужского/женского начал* в рамках номинаций, непосредственно с человеком не связанных, основана на объективно существующей в фольклоре связи микро- и макрокосма, реального мира и символического. Отмечая названную особенность, А. Т. Хроленко в монографии «Семантика фольклорного слова» приходит к выводу о том, что «“человеческий аспект” любой растительной или животной реалии появляется не в данном тексте, а задан потенциально, включен в фольклорное слово в качестве тенденции с условием обязательной реализации» [16, с. 96].

Выбор пословиц в качестве материала настоящего исследования обусловлен тем, что паремии «наиболее образно, аргументированно и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с феноменом человека» [2, с. 311].

Источником фактического материала выступает авторитетный в научном отношении сборник «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля [5].

Анализу подверглось более 10000 пословиц. Составленный на их базе словник гендерно маркированных лексем, номинирующих *мужское начало и женское начало*, включает 540 единиц в 5276 словоупотреблениях. Составление словника выполнено на базе компьютерной программы “MonoconcEsy” [19], разработанной *M. Barlow*, доцентом кафедры прикладного языкознания Университета Окленда (*The University of Auckland*). Поиск объективных и точных технологий исследования обусловил применение вычислительной техники, использование которой в лингвистике имеет длительную историю, начинающуюся с исследований Г. В. Лейбница и Р. Декарта в XVII веке. В современной науке применение компьютерных технологий активно развивается и выходит на качественно новый уровень. А. Т. Хроленко закономерно приходит к выводу о том, что «информационные технологии наиболее востребованы и эффективны в научно-исследовательской деятельности гуманитария» [17, с. 31].

Выбор **методов исследования** обусловлен спецификой репрезентации и вербализации гендера и включает как общенаучные методы наблюдения, моделирования, интерпретации, так и частнонаучные методы, которые нуждаются в более подробном освещении.

1. Метод оппозитивного анализа лексем, целью которого является выделение в текстах пословиц гендерных оппозиций (мужское начало / женское начало).

2. Метод определения культурной коннотации, который представляет собой «интерпретацию денотативного или образно мотивированного… аспектов значения языкового знака» [14, с. 214], основывается на признании «взаимодействия и взаимопроникновения культуры и языка» [8, с. 44]. В результате интерпретации лексем в контексте пословиц определяется уровень гендерного маркирования.

3. Метод реконструкции на лексико-семантическом уровне, целью применения которого является реконструкция системы гендерно маркированных лексем.

В исследуемых текстах на основе комплекса используемых методов анализа обнаружено два уровня кодирования гендерной информации и, соответственно, выделено два типа гендерной маркированности: *непосредственная и опосредованная*. Исследование номинаций с заявленными уровнями кодирования проводится методом определения культурной коннотации.

Первый уровень кодирования гендерной информации реализуется в денотативном аспекте языкового знака, соответственно, лексемы с семой *лицо мужского пола* или *лицо женского пола* соотносятся с референтом непосредственно, что и обусловливает специфику непосредственного типа гендерного маркирования: *муж/жена, брат/сестра, дочь/сын, солдат/солдатка.*

Второй уровень кодирования гендерной информации реализуется в образно мотивированном аспекте значения языкового знака, соответственно, значение *мужского/женского начал* в пределах языкового знака опосредовано мотивирующим *мужским или женским* образом, что и обусловливает специфику опосредованного типа гендерного маркирования: *небо – отец / земля – мать, солнце – сын / месяц – дочь.*

В настоящей статье исследованы гендерно маркированные существительные и субстантивированные прилагательные, входящие в состав предметного мира пословиц. Основу исследования составила классификация предметного мира, представленная в трудах И. С. Климас и ориентированная автором на другие цели [9]. Материал исследования диктует необходимость дополнить классификацию группой **имен корпусфактов** (от лат. *corpus – тело, плоть*), включающей гендерно маркированные номинации, вербализующие свойства человека как телесного существа.

Таким образом, реконструированная лексико-семантическая система гендерно маркированных номинаций включает группы **имен социофактов, корпусфактов, ментифактов**, в составе которых представлены номинации с непосредственным типом кодирования гендерной информации, а также **группы натурфактов и артефактов,** в составе которых – номинации с опосредованным типом кодирования.

I. Непосредственный тип кодирования гендерной информации

1. **Группа имен социофактов** включает гендерно маркированные номинации, в которых вербализованы различные уровни социальных отношений.

1.1. Брачно-семейные номинации.

1.1.1. Кровное родство по прямой линии.

1.1.1.1. Родители. Например, *отец/мать.*

Счастливая дочь – в <u>отца</u>, а сын – в <u>мать</u> [5, с. 187].

1.1.1.2. Дети. Например, *сын/дочь.*
Сын да дочь – красные детки [Там же].
1.1.2. Кровное непрямое родство. Например, *брат/сестра.*
Брат сестре не указ в стряпне [Там же, с. 289].
1.1.3. Свойство.
1.1.3.1. Супруги. Например, *муж/жена.*
Муж – голова, жена – душа [Там же, с. 183].
1.1.3.2. Родители супругов. Например, *свекор/свекровь.*
Свекор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив [Там же, с. 190].
1.1.3.3. Супруг(а) дочери/сына. Например, *зять/невестка.*
У тещи-света для зятя приспето [Там же, с. 191].
Смалчивай, невестка, сарафан куплю [Там же, с. 319].
1.1.3.4. Братья и сестры супругов. Например, *деверь – золовка.*
Свекор журлив, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмешник [Там же, с. 190].
1.1.4. Некровные родственники. Например, *сват/сваха.*
У нашего свата ни друга, ни брата [Там же, с. 376].
Была бы невеста, а сваха будет [Там же, с. 158].
1.2. Реляционные номинации. Например, *друг/подруга.*
На себя поступись, а друга побереги [Там же, с. 307].
Подруги косу плетут на часок, а сваха на век [Там же, с. 386].
1.3. Профессиональные номинации.
1.3.1. Военные профессии. Например, *солдат* / номинации *женского начала* не выявлены.
За спасибо солдат год служил [Там же, с. 70].
1.3.2. Гражданские профессии. Например, *лекарь/лекарка.*
От духовника да от лекаря не таись [Там же, с. 103].
Живи с разумом, так и лекарок не надо [Там же, с. 324].
1.3.3. Род деятельности. Например, *ключник/ключница.*
Ключника нет, так и не монастырь [Там же, с. 347].
Ключница чужому отцу, ларешница чужой матери [Там же, с. 384].
1.3.4. Духовный сан. Например, *монах/монахиня.*
Монах (Монахиня) на свадьбе зловещ для молодых [Там же, с. 389].
1.4. Социально-статусные номинации.
1.4.1. Сословие/статус. Например, *барин/барыня.*
Барин за барина, мужик за мужика [Там же, с. 356].
Княжна хороша, и барыня хороша, а живет красна и наша сестра [Там же, с. 359].
1.4.2. Социальное положение. Например, *хозяин/хозяйка.*
Хозяин в дому, что медведь в бору; хозяюшка в дому, что оладышек в меду [Там же, с. 280].
1.4.3. Имущественное положение. Например, *нищий/бесприданница.*
Царь да нищий без товарищей [Там же, с. 394].
Бесприданница – безответница [Там же, с. 386].
1.4.4. Сакральный статус. Например, *колдун/ворожея.*
Не ворожея (Не колдун), да отгадчик [Там же, с. 434].
1.5. Акциональные номинации лица.
1.5.1. Номинация лица по действию. Например, *богомольник/богомольница.*
Невольник не богомольник [Там же, с. 358].
Днем денна́ моя печальница, в ночь ночная богомольница (мать) [Там же, с. 188].
1.5.2. Номинация лица, не способного к действию. Например, *покойник/покойница.*
О покойнике худа не молви [Там же, с. 154].
Хороша была покойница [Там же, с. 159].
1.6. Аксиологические номинации.
1.6.1. Положительная коннотация. Например, *милый/милая.*
Милый не злодей, а иссушил до костей [Там же, с. 375].
Здравствуй ты, здравствуй я, здравствуй, милая моя [Там же, с. 381]!
1.6.2. Отрицательная коннотация. Например, *дурак/дура.*
Дураку везде счастье [Там же, с. 209].
И наша дура коты обула [Там же, с. 275].
1.7. Национально-этнические номинации. Например, *цыган/цыганка.*
И у цыгана душа не погана [Там же, с. 171].
Тут цыганка (старуха) надвое сказала [Там же, с. 437].

2. **Группа имен корпусфактов** включает гендерно маркированные лексемы со значением возрастных и физиологических данных.

2.1. Возрастные номинации.
2.1.1. Молодость. Например, *парень/девка.*
Разорился парень бедный: купил девке перстень медный [Там же, с. 269].

2.1.2. Зрелость. Например, *мужик/баба.*

Торгуй мужик пшеницей, баба чечевицей [Там же, с. 291]!

2.1.3. Старость. Например, *старик/старуха.*

Старик со старухой на зиму печку делят [Там же, с. 141].

2.2. Номинации по физиологическим данным. Например, *слепой/слепая.*

Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой [Там же, с. 323].

Всякая слепая про себя смекает [Там же, с. 224].

3. **Группа имен ментифактов** включает гендерно маркированные номинации мифологических существ, представляющих собой результат вербализации трансцендентального опыта человека. Например, *водяной/русалка.*

Шутил бы черт с бесом, водяной с лешим [Там же, с. 450].

Не все то русалка, что в воду ныряет [Там же, с. 343].

II. Опосредованный тип кодирования гендерной информации

В большинстве случаев символическое значение *мужского/женского начал* совпадает с грамматической категорией рода, например, лексема *баран* соотносится *с мужским началом*, *ярочка – с женским началом*, но в отдельных случаях опосредованная гендерная маркированность и категория рода не совпадают, например, лексема *трава* (ж. р.) соотносится с *мужским началом*, а лексемы *цве*т (м. р.) и веретено (ср. р.) – с *женским началом.*

4. **Группа имен натурфактов** включает гендерно маркированные лексемы, вербализующие символическое значение *мужского/женского начал* в номинациях представителей животного и растительного мира.

4.1. Животные. Например, *баран/ярочка.*

Жених да невеста парочка, что твой баран да ярочка [Там же, с. 384].

4.2. Птицы. Например, *петух/курица.*

Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком [Там же, с. 302].

4.3. Растения. Например, *трава/цвет.*

Солдатская голова, как под дождичком трава [Там же, с. 355].

Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде [Там же, с. 378].

5. **Группа имен артефактов** включает гендерно маркированные лексемы, вербализующие символическое значение *мужского/женского начал* в номинациях предметов быта, фольклорного локуса.

5.1. Предметы быта. Например, *топор/веретено.*

Смирен топор, да веретено бодливо [Там же, с. 173].

5.2. Фольклорный локус. Например, *двор/изба.*

Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе [Там же].

Реконструкция системы гендерно маркированных единиц позволяет выявить специфику репрезентации и вербализации гендера в текстах пословиц. Сосуществование двух уровней кодирования гендерной информации, на которых происходит репрезентация *мужского и женского начал,* является убедительным доказательством антропоцентричности гендера, семантика которого вербализуется в целом спектре номинаций, среди которых брачно-семейные, реляционные, профессиональные, социально-статусные, акциональные, аксиологические, национально-этнические, возрастные, номинации по физиологическим данным, номинации мифологических существ. Символическое значение *мужского/женского начал* раскрывается в номинациях животных, птиц, растений, предметов быта, фольклорного локуса. Перспективным представляется анализ ядерных и доминантных номинаций с различными уровнями гендерного кодирования.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта; Наука, 2009. 342 с.
2. **Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н.** Фразеология и паремиология: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
3. **Артеменко Е. Б.** Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. М.: ГРЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7-21.
4. **Гриценко Е. С.** Язык как средство конструирования гендера: автореф. дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2005. 48 с.
5. **Даль В. И.** Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2000. 468 с.
6. **Доброва С. И.** Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж: ВГПУ, 2004. 175 с.
7. **Доброва С. И., Мудрая М. В.** Репрезентация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. Т. 275. № 2. С. 175-181.
8. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. М.: Наука, 1999. 155 с.
9. **Климас И. С.** Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: автореф. дисс. … д. филол. н. Орел, 2005. 40 с.
10. **Лейбниц Г. В.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2 / ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. 686 с.
11. **Лосев А. Ф.** Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.
12. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14-285.
13. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь концептов русской культуры. 3-е изд-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 824 с.
14. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.

15. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности: монография. СПб.: Астерион, 2013. 251 с.
16. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.
17. Хроленко А. Т., Денисов А. В. Современные информационные технологии для гуманитария: практическое руководство. 3-е изд-е. М.: Флинта; Наука, 2010. 128 с.
18. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. статей. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
19. Barlow M. MonoconcEsy: An Introduction to Concordancing. Athelstan, 2015. 50 p.

RECONSTRUCTION OF THE SYSTEM OF GENDER MARKED LEXEMES (BY THE MATERIAL OF PROVERBS)

Mudraya Mariya Vadimovna
Voronezh State Pedagogical University
mariya.mudraya@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the representation and verbalization of gender as a basic cultural constant on the basis of the reconstruction of the system of gender marked lexemes. For the first time the coexistence of two levels of coding of gender information at which the representation of male and female beginnings takes place is studied. The main content of the study is the analysis of gender marked nouns and substantivized adjectives that make up the objective world of proverbs.

Key words and phrases: gender; gender markedness; cultural constant; linguistic study of folklore; folklore; proverb.

УДК 81-119

Статья посвящена анализу субэкоконцепта в рамках нового направления в теории перевода – экологии перевода. Автором уточняются ключевые для экологии перевода понятия экоконцепта и экосмысла. В исследовании подчеркивается роль личностного характера перевода, связанного с развитием антропоцентрического подхода в гуманитарных науках. Осознание и понимание глубинного смысла художественного текста неразрывно связаны с явлением эмпатии – способности переводчика улавливать и передавать средствами чужого языка эмоции и чувства, принадлежащие автору текста, и адаптировать их для иной культуры.

Ключевые слова и фразы: экология перевода; эмпатия; экоконцепт; художественный текст; вектор динамики экосмысла.

Плюснина Екатерина Михайловна, к. филол. н.
Пермский научно-исследовательский политехнический университет
djally666_88@mail.ru

О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ЭКОКОНЦЕПТА «СПЕКТАКЛЬ» В РАССКАЗЕ Л. УЛИЦКОЙ «КОНЕЦ СЮЖЕТА»)

Проблема успешности перевода по-прежнему сохраняет свою актуальность в условиях современной жизни. Вследствие быстрого изменения гео- и культурно-политической ситуации в обществе все большее значение приобретает способность современного человека адаптироваться к чужой культуре, что предполагает в качестве важного, а порой и непременного условия владение одним или несколькими иностранными языками. Стремительное развитие переводческих программ здесь ничего не значит – компьютер в данной ситуации заведомо не способен заменить человека и вряд ли когда-нибудь будет в состоянии сделать это.

Настоящая статья выполнена в рамках нового научного направления, получившего название «экология перевода». Сам термин был сформулирован в совместной статье Л. В. Кушниной и П. Р. Юзманова, опубликованной по итогам первой международной конференции «Экология языка на перекрестке наук» (Тюмень, ноябрь 2010 г.) [6].

Как указывает Л. Г. Федюченко, экология перевода развивается как новое современное направление теории перевода в рамках лингвистической экологии. Заявленное направление до сих пор не имеет четкого однозначного определения, его метаязык находится в стадии становления. Это обеспечивает относительную свободу трактовки и разнообразие направлений исследования [9]. Вслед за Л. Г. Федюченко мы считаем, что в качестве основного объекта исследования экологии перевода может выступать качество перевода.

В предыдущих исследованиях мы придерживались мысли Н. Н. Белозеровой, считающей, что материалом экопереводческого анализа является «единица языка или речевого акта, или текст, так или иначе отражающие взаимодействие человека с окружающей природной средой» [1, с. 62]. Однако более глобальной кажется мысль о том, что связь данного комплексного направления в теории перевода с экологическими науками состоит в том, чтобы заниматься «сохранением и презервацией смыслов, заложенных автором оригинального произведения или дискурса» [Там же]. Идея сохранения смысла в его первозданном виде, без искажения, с целью пробуждения у читателя текста перевода тех же эмоций, которые испытывает читатель оригинального текста, позволяет утверждать, что материалом для экологии перевода может быть любой художественный текст.